

ТОМАС ЛЕР

МАНФРЕД

ИСПОВЕДЬ
ПРИШЕЛЬЦА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(Герм)-44
Л 49

Thomas Lehr
MANFRED: BEKENNTNISSE EINES AUßERIRDISCHEN
Copyright © 2023 Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, München
All rights reserved

Перевод с немецкого Ольги Полещук

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-29392-2

© О. Б. Полещук, перевод, 2026
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Кроме людей, кто может знать печали?¹

Лорд Байрон

Чем более постижимой представляется
Вселенная, тем более она кажется бес-
смысленной².

Стивен Вайнберг

¹ Цитата из мистерии Джорджа Гордона Байрона «Каин» («Caïn», 1821), перевод Е. Зарина. — *Здесь и далее примечания переводчика, кроме отмеченных особо.*

² Цитата из книги «Первые три минуты: современный взгляд на происхождение Вселенной» («The First Three Minutes: A Modern View of the Origin of the Universe», 1977, 1993), перевод В. Строкова.

Манфреда Мы обнаружили в ужасающем состоянии. Единственная его голова лежала на клавиатуре складной вычислительной машины, его дыхание показалось Нам гнилостным, щетина превратила его подбородок в красноватый кактус. Чтобы не всполошить его и держать в узде, для наблюдения Мы открыли только глазок. От этого он проснулся, рывком поднял голову и уставился на свое жалкое жилище так, словно видит его впервые.

В том, что сейчас он испытывал ужас, ему следовало винить самого себя. Во времена Нашей последней миссии подобное запущенное логово человека, вероятно, называли холостяцкой квартирой. На липком кухонном столе Мы нашли газету, местную провинциальную газетенку. Если она была сегодняшней, то все происходило в пятницу в конце второго десятилетия так называемого у людей двадцать первого века.

Для начала Мы заставили Манфреда суетливо метаться по его дурно обустроенной квартире, будто он потерял и срочно должен отыскать что-то ценное. Однако Мы не обнаружили ничего, что позво-

ляло бы предположить большой талант, выдающиеся способности, высший разум. В его время еще существуют книги, но полупустой стеллаж, который Манфред второпях покорно обшаривал для Нас, содержал лишь прискорбно бездарные опусы. Исключение составляли труды по экономике и горстка с виду зачитанных до дыр специальных книг по настройке вычислительных машин, и в них Манфред теперь рылся, словно когда-то засунул туда денежную купюру, — рылся для того, чтобы Мы могли увидеть, какого качества заметки он делал от руки. Надо сказать, весьма посредственного.

Побудив его просмотреть свои дневники и личные записи, учебные заметки и коробку из-под обуви с присланными ему письмами и открытками, Мы и там не нашли никакого указания на особое дарование или оригинальные черты его характера. То же самое касается, к сожалению, и его корреспондентов. В синей металлической шкатулке он обнаружил свое свидетельство о рождении — и побелел, увидев дату. Да, у него были все основания стыдиться! В тридцать пять лет он жил расхлябанно и как придется, не проявляя признаков хорошего вкуса или улучшения благосостояния.

Даже его физическая форма не делала чести мужской особи его биологического вида. Внушив ему настоятельную потребность сорвать с себя одежду, Мы втолкнули его в тесную ванную комнату, к узкому, но высокому зеркалу, которое — замызанное и с плохой подсветкой — показало сре-

ди пятен плесени его портрет в полный рост. Его лицо, мешки под глазами, опущенные плечи, неэстетично наметившийся живот, тощие руки и ноги, странно вывернутые наружу слишком большие ступни могли ошибочно навести на мысль, что перед Нами непропорционально выдвинутый на первый план второстепенный персонаж какой-нибудь картины с изображением Апокалипсиса: скрюченный грешник, чьи порочные привычки до того ослабили и изуродовали само по себе еще молодое, в сущности даже вполне пригодное к использованию тело, что оно годится лишь на то, чтобы ангел спихнул его в ад или один из красных чертей насадил на вилы. Нам вспоминается дело Иеронима Босха, которое Мы, проявив прямо-таки безграничное терпение, урегулировали цивилизованно, но раз и навсегда на шестьдесят шестом году жизни великого художника. Однако в набитом соломой мозгу Манфреда не проскакивает, похоже, ни одна провидческая искра, и эту солому Нам, вероятно, придется однажды поджечь, чтобы, по возможности, вывести на свет скрытых там персонажей.

Теперь, в эти минуты вынужденного созерцания себя без прикрас перед зеркалом в ванной, Манфред, должно быть, вообразил, что в его мозгу пробудилась некая высшая и лучшая инстанция и тут же решила вывалить ему всю правду о его убогом существовании. *Ecce homo*¹. Мы заставили его раз-

¹ Се, Человек (лат.) — слова, с которыми Понтий Пилат обращается к толпе, выведя к ним Иисуса Христа и желая его оправдать (Ин. 19: 5).

дуть ноздри и растянуть пошире губы, чтобы дать неутешительную оценку состоянию зубов. Затем Мы затолкали его под душ и поливали тело бедного грешника сначала горячей водой, а под конец ледяной до тех пор, пока туман в его пульсирующем мозгу не начал рассеиваться и перед Нами не предстали более четкие контуры. Манфред, тебе нужно отбелить зубы!

Сообщений домой Мы не посылаем. Иначе спустя еще несколько оборотов планеты вокруг своей оси и небольшого ряда неинвазивных исследований Манфреда Нам пришлось бы сообщить Внешнему совету, что пока невозможно обнаружить, из-за чего прозвучал сигнал тревоги. Вероятно, причина кроется где-то в более глубоких слоях Манфредова мозга, которые Мы еще не инспектировали, чтобы преждевременно не повредить объект. Мы очень не любим вспоминать о прежних случаях так называемого помешательства, а то и вовсе самоубийств в неистовстве на почве внезапного озарения. С тех пор как Мы пальпировали это жалкое человеческое существо, осторожно прозондировали его в глазок, привели его, так сказать, в загон и снабдили легким чепраком, оно пребывает в жизненном кризисе — и давно пора. Ибо абсолютно не важно, включилась ли аварийная сигнализация из-за самого Манфреда или из-за какого-то элемента его социального окружения, — в таком состоянии помутнения и интоксикации его не использовать даже в качестве инструментального средства. А значит, Мы

проводим его чистку, как это называется на языке берейторов, снабжающем Нас изумительными образами для описания процесса облагораживания экземпляров человеческих существ, необходимой зоологической дрессуры избранных представителей вида, который все громче провозглашает себя повелителем других форм жизни.

В процессе чистки Мы избавили Манфреда от никотиновой зависимости, от коей он, как и бесчисленное множество его собратьев по виду за прошедшую сотню солнечных лет, рисковал в пожилом возрасте кончить скверно. А еще Мы убрали из его дома весь алкоголь и коробку с применяемыми, очевидно, не по назначению фармакологическими веществами. Кроме того, используя в качестве кнута чудовищные угрызения совести, Мы пресекали любую попытку вновь приобрести неуместные тут наркотики. Каждый джентльмен знает, что в крайнем случае в себя забрасывают разве что ведерко мятного ликера. Две-три недели Манфред маялся, выл, бормотал какую-то невнятицу, и толку от него не было. Страдая зависимостями, он не устраивался на постоянную работу, а как студент-недоучка и мелкий предприниматель получал нестабильный доход от случайных заказов, связанных с компьютерами, — некоторые его клиенты звонили и обругивали автоответчик, — и, проедавая небольшое наследство покойной матери (об отце в его документах ничего не значилось), вел неупорядоченный и бессмысленный образ жизни, что давало в его су-

ществовании некоторую свободу действий и очень помогло Нам при надевании уздечки и установке трензеля. Манфред должен научиться носить Нас.

Когда однажды солнечным апрельским утром он вдруг почувствовал себя необычайно сильным, свободным и словно заново родившимся, Мы устроили ему выгул в агломерации, или в *civitas*¹. Подчас Мы обнаруживаем у него в мозгу странные словечки вроде покрытой плесенью латыни или обрывков немудреного школьного французского, а еще, видимо, распространившийся в начале двадцать первого века подобно эпидемии американский английский с не такой уж примитивной лексикой, однако лишенный гибкости и риторического изящества. Видимо, Манфред кое-что читал, но мало что при этом чувствовал. Поколебавшись, Мы выпустили его из квартиры, уже тщательно убранной и приведенной в порядок, и лонжировали, гоняя по улицам города, в котором он родился и провел всю свою прежнюю жизнь, будто он дерево. Однако Манфред, похоже, еще непригоден даже для скромного улучшающего воздух фотосинтеза.

Мы иронизируем, а не стоило бы, пока действительно не запряжем и не оседлаем объект. В ходе многодневного лонжирования по местности, откуда он родом и где длительно пребывал, Нам так и не удалось обнаружить ни малейшего указания на то,

¹ В конце античной эпохи общепринятое название городской общины.

что Манфред мог бы ментально или физически приблизиться к гипотетически опасному состоянию или включающему аварийную сигнализацию вопросу. Родной город Манфреда Р. и сам кажется его подобием. По нему, несмело извиваясь, протекает зеленовато-серая река, беспорядочно рассеиваются районы новостроек на окраине, его опоясывает безотрадная зона частных домов с лоскутами садов, а еще здесь есть до абсурда задымленный и забитый машинами, как мозг кальцинатами, старый центр с нелепым множеством малозначимых церквей в готическом и романском стилях. Город украшают памятники полководцам-убийцам не слишком высокого ранга и местным правителям, чья роль мала или забыта. Здесь есть железнодорожный вокзал с шестью путями, немного легкой промышленности, рудименты курортно-гостиничного бизнеса, оставшиеся от лучших времен, характерные признаки увядающего туризма и, наконец, университет, уже четыре столетия привычно склонный себя переоценивать. Его двенадцать тысяч образцово-показательных студентов кажутся армией Манфредов, если бы последний прямо-таки живительным образом не опустился и после восемнадцати семестров его не выставили за дверь альма-матер, вскармливающей прокисшим молоком.

И вновь нас так и подмывает съязвить, а вместо этого следовало бы опечалиться тем, насколько бесплодной оказалась проверка привычной для Манфреда среды. Вновь, как и в доброй дюжине пору-

ченных Нам до нынешнего момента дел, из-за нечеткой локализации в пространстве Нас высадили, похоже, очень далеко от настоящей цели, от фактора, спровоцировавшего сигнал тревоги. По завершении Нашей миссии Мы позволим себе еще раз указать Внешнему совету на ужасающую степень отклонения от цели, хотя и осознаем неизбежность функциональных нарушений, обусловленную физическими и математическими причинами. В любом случае Нам потребуется еще некоторое время, и, чтобы обнаружить какие-нибудь подозрительные признаки, придется походить с Манфредом, направляя его, по множеству кривых и темных дорожек.

Человеки и в начале их двадцать первого века очень далеки от соблюдения

Первого цивилизационного требования:

Каждому без исключения члену цивилизации безусловно гарантируются благоустроенная квартира, разнообразная одежда и высококачественное питание наряду с достаточной суммой денег в кармане!

Поэтому Манфред постепенно начал ощущать необходимость возобновить трудовую деятельность. Несколько семестров учебы в университете, когда он с присущей ему вялостью пытался овладеть учебным материалом, дали ему, как Мы уже отметили, возможность получать деньги за работу с вычислительными устройствами, к коей относятся как простая установка и сборка, так и программирование страниц оформления заказа и промосайтов для розничной торговли и скромных городских коммерсантов. (Человеки уже в состоянии при помощи электронных сетей быстро адресоваться к кому-либо через всю планету и передавать сообщения бук-

вами, звуком или картинкой, хотя охотнее всего пользуются этим в абсурдных, неприличных или ужасающих целях.)

Чтобы приблизиться к точке аварийного сигнала, к мозгу поистине опасной личности, Мы вместе с Манфредом посещали его клиентов. В принципе, вполне возможно, что уже среди его ближайших знакомых есть человеческое существо, чьи способности настолько превышают унылый средний уровень его вида, что оно оказалось способно догадаться о существовании портала или даже на несколько секунд заглянуть в него и воспринять краткое ослепительное видение. Однако в этом последнем случае не только раздался бы сигнал, но и узревший остался бы меченым на всю жизнь. С легким содроганием думаем Мы о нескончаемой чередой смятенных, безумных лиц, о вооруженных гигантских яйцах, бронированных птицах, синих и зеленых собаках или розовато-лиловых демонах, просверливающих, насаживающих на пики, разгрызающих или еще каким-либо способом пытающих полчища человеческих тел, — живописец из Босха маниакально наносил их на холсты всю жизнь, пока не перешел опасную черту и Мы милостиво не заперли его в пасти темного моллюска.

Клиенты Манфреда в большинстве своем разочаровывали с первого взгляда. Они встречали его холодно и с упреками, иные горько жаловались на то, что он не являлся на встречи и не соблюдал договоренностей. Вынужденный пятидневный отпуск,

отказ от исполнения обременительных обязанностей и отвратительных ритуалов своей нелепой повседневной жизни (например, что называется, дуться в карты или вульгарно заливаться пивом в дурной компании), необходимый Нам для первичного ухода за ним после внедрения в его недостойное существование, Мы внушили ему объяснять внезапной болезнью.

И все же вряд ли от кого из деловых партнеров Манфреда укрылись позитивные перемены в его внешности, произведенные Нами путем изъятия наркотиков и повышения самосознания. Как правило, Мы добивались продолжения деловых отношений. Так Нам удавалось и дальше удерживать клиентов в поле зрения, чтобы по возможности натолкнуться на опасный талант или конспиративную деятельность — вероятные причины поступившего сигнала. Изнурительные беседы с местными продавцами мебели, пивоварами, рестораторами, владельцами игорных притонов и портнихами, занимающимися ремонтом одежды, кому Манфред помогает с распространением деловых предложений в международной сети вычислительных устройств (так называемом Интернете), по большей части не представляли никакого интереса. Однако в двух случаях Мы приоткрыли глазок, через который получаем расширенный доступ к ощущениям и смутным мыслям Манфреда, в то время как сам он осознает Наше присутствие как оживление в себе высшей инстанции, своего рода фрейдистское Сверх-Я

(с каким удовольствием Мы вспоминаем венского мэтра!), каковое, однако, если переусердствовать с нажимом, быстро превращается в демона подступающего безумия.

В упомянутых выше случаях речь шла о способностях или глубоко укоренившихся привычках человека, по-прежнему удивляющих и трогающих Нас даже после множества миссий. Во-первых, Мы обнаруживаем у них невероятную одаренность в звуковом искусстве, так называемой музыке, где они блистают так, как редко случается и в Наших высотах. Во-вторых, это касается их поразительно-го способа размножаться, который сочетанием грубой механики и изобретательного или даже утонченного разнообразия приемов в брачных играх сильно впечатляет Нас, — пожалуй, как птицы, которые роняют помет как придется — но вот летают же. Если это стало едва ли не манией даже у такой особы, как леди Лавлейс (чей мозг в сравнении с Манфредовым выделяется, как сияющая великолепием породистая лошадь рядом с лохматым мулом), у Нас есть все основания изучить жизнь тех, кто мог стать причиной сигнала тревоги, на предмет их манеры действовать в этом brutальном процессе размножения.

На первой подозрительной встрече Нас тут же насторожили пламенеющие уши Манфреда, поскольку все предвещало слияние звукового искусства с сексуальным в интересный союз. Прежде всего это объяснялось сулящим неимоверное счастье

самозабвением, с каким перед камерой Манфреда исполняла партии Баха преподавательница скрипки Донателла Эрнст, лет сорока, среднего роста, родом с берегов Средиземного моря. Насколько Нам удалось выяснить ранее, до сих пор Манфред вступал в сексуальные отношения исключительно с самим собой, причем и это делал торопливо и небрежно. Музыкальности же он, напротив, лишен был не вполне, поскольку, не играя ни на каком инструменте, демонстрировал тонкое понимание, производя видеонарезку выступлений Донателлы, чтобы смастерить для нее домашнюю страницу в Интернете. Мы позволили себе подсказать ему несколько совершенно новых вопросов Донателле (где родилась, хобби, психические заболевания, физиологические отклонения, странные отношения), чтобы разузнать о ее личной жизни. Итак, теперь Мы знаем о ее четверых детях, о том, что она ужасно боится повредить руки, и о ее муже Эрнсте. Эрнст, по ее словам, инженер, что в связи с сигналом пробуждает в Нас некоторое любопытство. Чтобы не вызвать у Донателлы подозрений, Мы вновь сконцентрировались на ее чудесной игре. Compliments Манфреда, значительно улучшенного Нами по части гигиены и элегантности, Мы обогатили несколькими идеями, похвалив ее фразировку, динамику мелодической линии и полифоническую технику, чем для первого зондирования возбудили ее достаточно. Мы решили, что в следующий раз осторожно попытаемся больше разведать о ее муже.

По возвращении Мы, видимо, еще раз доведем до сведения Внешнего совета проблему с окном. Поскольку вначале Мы можем наблюдать Наше средство передвижения, рабочую лошадку, то есть в данном случае единственного и безмозглого Манфреда, только в узкий глазок, у Нас нет доступа к его воспоминаниям и Мы не располагаем надежными и исчерпывающими выводами обо всех его способностях и гипотетических скрытых талантах. Требуется время, дополнительные долгие дни или даже недели, пока Мы в достаточной мере не обследуем Наше транспортное средство, наблюдая за его жизнью и позволяя ему ощущать Наше присутствие лишь как мягкое, но постоянное давление в затылке, которое он может принять за новую, удивительную и все более явную активность своего Сверх-Я или вдруг проснувшейся совести, побуждающих его что-то сделать со своей беспечной и зряшной жизнью. Окно же с его пренеприятной прозрачностью в обоих направлениях тут же дало бы Нам четкую картину и прояснило, представляет ли Наше средство передвижения опасность само по себе, или его можно лишь побудить доставить Нас к настоящему источнику тревожного сигнала. И все же, если такому Манфреду или ему подобным доводится оглянуться на Нас, Цорггха, или встретиться с Нами взглядом, это, как правило, повергает в такой ужасный шок, что может последовать бурная реакция, от хронического безумия до немедленного суицида. Полупроницаемое окно, достаточно большое зерка-

Лер Т.

Л 49 Манфред : исповедь пришельца : роман / Томас Лер ; пер. с нем. О. Полещук. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-29392-2

В один прекрасный (хотя как посмотреть) день в жизни Манфреда, 35-летнего программиста, несколько опустившегося, не очень здорового, сильно разочарованного, довольно унылого, — в общем, типичного экземпляра вида *Homo sapiens*, — появляется пришелец по имени Цорргх.

На что этот неинтересный Манфред сдался представителю высокоразвитой цивилизации? Манфред вызвал сигнал межгалактической тревоги: он сам или кто-то поблизости подошел к ПРАВИЛЬНОЙ МЫСЛИ, которая может открыть людям существование инопланетных цивилизаций, а Земля до такого знания еще не доросла. Цорргх уже предотвращал подобные открытия, когда к ним вплотную подступали Босх, Декарт, Ада Лавлейс и Эйнштейн. Привести Манфреда в порядок, взять под контроль, изучить его окружение, сбить со следа и незаметно исчезнуть? Раз плюнуть. Но вскоре усовершенствованный и неожиданно для всех поумневший Манфред вновь встречает любовь своей юности Сабину, особу весьма непростую и с собственной миссией, и инопланетная операция под прикрытием превращается в рискованный для жизни и рассудка буйный балаган.

Томас Лер — одна из крупнейших и наиболее самобытных фигур литературы современной Германии, программист и философ, насмешник и эрудит, которого критики сравнивают с Томасом Пинчоном, а мы бы сравнили с Жауме Кабре. Его «Манфред: исповедь пришельца» — философский роман пополам с фарсом, сатира и притча, трагикомедия, поставленная на опилках цирковой арены. Высокоразвитые цивилизации взирают на комическое человечество с космических высот и беспомощно хохочут — а что им остается? Лучше смеяться, чем плакать.

Впервые на русском!

УДК 821.112.2
ББК 84(Герм)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ТОМАС ЛЕР

МАНФРЕД:
ИСПОВЕДЬ ПРИШЕЛЬЦА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова

Редактор Татьяна Набатникова

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Ульяна Смирнова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.03.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-38567-01-R